
ОТ ПРЯМОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА К «СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ»: ЭВОЛЮЦИЯ АФРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ «ОПЕРАЦИИ «БАРХАН»» (2022-2025 ГГ.)**Черныш Никита Андреевич,**Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений,
бакалавриат
Mail: n.chernysh4@yandex.ru**Аннотация**

В данной статье исследуется пересмотр Парижем своих подходов к африканскому континенту на современном этапе. Ключевой фокус сделан на анализе причин, вынудивших Францию отказаться от устоявшейся доктрины прямого военного присутствия в пользу более гибкой и комплексной модели внешнеполитического взаимодействия. В работе рассматривается, с какими структурными вызовами — от растущего влияния других мировых игроков до изменения характера угроз — столкнулась французская политика в Сахеле и как эти факторы формируют новую, более прагматичную конфигурацию франко-африканских отношений.

Ключевые слова: Операция «Бархан», Сахель, Франция, «Франсафрик», Неоколониализм.

FROM DIRECT INTERVENTION TO A "STRATEGIC PARTNERSHIP": THE EVOLUTION OF FRANCE'S AFRICAN STRATEGY AFTER OPERATION BARKHANE (2022-2025)**Chernysh Nikita Andreevich,**Saint Petersburg State University,
Faculty of International Relations,
Bachelor's degree
Mail: n.chernysh4@yandex.ru

ABSTRACT

This article examines Paris's revision of its approaches to the African continent at the present stage. The key focus is on analyzing the reasons that compelled France to abandon the established doctrine of direct military presence in favor of a more flexible and comprehensive model of foreign policy interaction. The work explores the structural challenges — from the growing influence of other global players to the changing nature of threats — that French policy in the Sahel has faced, and how these factors are shaping a new, more pragmatic configuration of Franco-African relations.

Keywords: Operation Barkhane, The Sahel, France, "Françafrique", Neocolonialism

ВВЕДЕНИЕ

Африканский вектор на протяжении десятилетий являлся краеугольным камнем статуса Франции как великой державы. Однако в начале 2020-х годов традиционная политика «Франсафрик» – система неформального, но всеобъемлющего контроля над бывшими колониями, опиравшаяся на военное присутствие, экономическую зависимость и профранцузские элиты, – столкнулась с глубочайшим кризисом. Бесславное завершение в 2022 году масштабной антитеррористической «Операции «Бархан»» в Сахеле, сопровождавшееся чередой антифранцузских военных переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере и изгнанием французских контингентов, ознаменовало собой окончание эпохи прямой военной интервенции как основного инструмента парижской политики на Чёрном континенте.

Актуальность темы обусловлена стремительной переконфигурацией архитектуры безопасности в Западной Африке и поиском Францией новой роли в условиях растущей конкуренции со стороны России, Китая и Турции, а также усиления суверенитеталистских настроений самих африканских государств. Провозглашённый президентом Эммануэлем Макроном переход к модели «стратегического партнёрства» и «нейтрального собеседника» представляет собой попытку адаптации к новой реальности, успех которой определит будущее влияние Франции в её традиционной «заповедной зоне».

Целью данного исследования является определение специфики трансформации военной стратегии Франции в Африке от прямой интервенции к модели «стратегического партнёрства» в период с 2022 по 2025 год, с учётом особенностей региональных угроз и проблем легитимности.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

Проанализировать причины провала «Операции «Бархан»» как квинтэссенции политики прямого военного вмешательства.

Выявить ключевые элементы и инструменты новой модели «стратегического партнёрства», а также её концептуальные основы, изложенные в выступлениях Э. Макрона и стратегических документах.

Оценить, в какой степени новая стратегия учитывает природу региональных угроз и позволяет преодолеть кризис легитимности, унаследованный от «Франсафрик».

Обзор литературы

Проблематика эволюции французской африканской политики широко освещается в научной среде. Так, Ю.И. Рубинский анализирует исторический путь «Франсафрик», Е.О. Обичкина исследует российско-французское соперничество, С.М. Фёдоров рассматривает военный аспект, а М.В. Минаев и А.Ю. Чихачев – внутривосточные и экспертные оценки стратегии Макрона.

Однако, несмотря на обширную изученность исторических предпосылок и констатацию кризиса, остаётся недостаточно исследованным комплексный сравнительный анализ двух парадигм по таким параметрам, как структура военного присутствия, взаимодействие с местными режимами и легитимация в глазах населения.

Новизна данного исследования заключается в попытке синтеза военно-стратегического, политического и дискурсивного анализа для создания целостной картины эволюции африканской стратегии Франции в указанный хронологический период, с фокусом на преодоление разрыва между заявленной риторикой «партнёрства» и практическими шагами Парижа.

Методология

Для достижения цели исследования применяется комплекс общенаучных и специальных методов: анализ, синтез, исторический метод, сравнительный метод, комплексный подход.

Исторический контекст: от «Françafrique» к «Бархану» — эволюция и провал интервенционистской модели

Африканская стратегия Франции на протяжении десятилетий существовала в парадигме «Франсафрик» — системы неформального, но всеобъемлющего контроля над бывшими колониями, сменившей прямое колониальное господство. Сформированная в 1960-х годах, эта система представляла собой сложный симбиоз экономических, политических и военных инструментов, призванных гарантировать Парижу лояльность элит и доступ к ресурсам: «на смену прямому колониальному господству пришла система косвенного экономического, политического, военного контроля, получившая название «Франсафрик»» [1, с. 6]. Важнейшей опорой этой конструкции было военное присутствие, закреплённое двусторонними оборонными соглашениями. Франция выступала гарантом стабильности для часто слабых и нелегитимных режимов, получая взамен стратегическое влияние и экономические преференции. Этот «военно-политический симбиоз», подкреплённый созданием военных баз в таких странах, как Сенегал, Кот-д'Ивуар, Чад и Габон, позволял Парижу десятилетиями проводить неоколониальную политику под видом «помощи развитию».

Однако к началу 2010-х годов эта модель начала давать сбои. Катализатором системного кризиса стала военная операция НАТО в Ливии в 2011 году, одним из инициаторов которой выступила Франция. Свержение Муаммара Каддафи «разрушило стратегическую стабильность в Африке южнее Сахары» [1, с. 9]. Последовавший распад ливийской государственности привёл к дестабилизации всего региона Сахеля, создав питательную среду для роста влияния вооружённых исламистских группировок. В ответ на просьбу властей Мали Париж в 2013 году инициировал операцию «Сервал», а затем, в 2014 году, переформатировал её в более масштабную операцию «Бархан». Изначально задуманная как быстрая и эффективная контртеррористическая миссия, «Бархан» на деле стала квинтэссенцией интервенционистской логики «Франсафрик» в изменившихся геополитических условиях. Несмотря на тактические успехи, операция не смогла решить стратегическую задачу: «Разгромить отряды джихадистов и тем самым обеспечить контроль над военной ситуацией и безопасность населения... участникам операции «Бархан» так и не удалось» [1, с. 31].

Провал «Бархана» был обусловлен комплексом причин. Во-первых, военное присутствие Франции всё чаще воспринималось местным населением не как защита от терроризма, а как инструмент обслуживания интересов бывшей метрополии. Во-вторых, Париж недооценил глубину кризиса легитимности местных правительств, которые ассоциировались с коррумпированной прозападной элитой. Это привело к обратному эффекту: «затянувшееся военное присутствие стало предметом ожесточенной критики со стороны африканских обществ, как раз в 2010-е гг. вошедших в "постколониальную" фазу своей эволюции, для которой характерны акцент на самодостаточность и свободу выбора внешних партнеров» [2, с. 65]. В-третьих, операция наглядно продемонстрировала ограниченность чисто военных методов решения проблем, имеющих глубокие социально-экономические и политические корни. Французская военная доктрина оказалась неадекватной вызовам асимметричной войны: «вступая в войну с терроризмом в Сахале, французская сторона как будто позабыла о главной заповеди К. Клаузевица о политическом смысле войны» [2, с. 81].

Накопившаяся фрустрация вылилась в «цепную реакцию» военных переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере в 2020-2023 годах, где новые власти разрывали военные соглашения с Францией. Как метко охарактеризовал ситуацию бывший премьер-министр Чада, «2020-е годы начались для французской армии периодом глубоких потрясений, сделавших ее в Африке „бездомной“» [7, с. 21-26]. После восьми лет участия операция «Бархан» завершилась выводом французских сил. Первая волна уходов затронула государства Сахеля: Мали (ноябрь 2022), Буркина-Фасо (январь 2023) и Нигер (декабрь 2023). Вторая волна обрушилась на исторические военные базы: Сенегал и Чад (ноябрь 2024), за которыми последовал Кот-д'Ивуар (декабрь 2024). Этот разрыв вызвал острую реакцию, причём западные союзники Франции не оказали ей солидарной поддержки, а, напротив, увидели возможность для усиления собственного влияния: «Даже внутри западного лагеря быстро отыскивались желающие воспользоваться ситуацией» [2, с. 80].

Таким образом, «Бархан» не просто потерпел военную неудачу, он ознаменовал собой крах всей постколониальной модели отношений Парижа с франкоязычной Африкой, основанной на патернализме и силовом доминировании, и создал императив для поиска принципиально новой стратегии.

Жесткая сила в новой конфигурации: от прямой интервенции к опосредованному вмешательству

Провал «Операции «Бархан»» заставил французское руководство кардинально переосмыслить применение «жесткой силы» в Африке. После 2022 года происходит её трансформация от прямого военного присутствия к более гибким, опосредованным и менее заметным формам. Новая конфигурация, выявляемая из заявлений Эммануэля Макрона и практических шагов Парижа, сохраняет силовой компонент, но в изменённом качестве.

Ключевым катализатором трансформации стало восприятие французских военных баз как символа неоколониального контроля, что ярко проявилось в волне переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере с требованиями вывода войск. Параллельно провалилась ставка на «сахелизацию» конфликта через Объединенные силы «Сахельской пятерки», которые, по оценкам экспертов, «практически недееспособны» [5, с. 95].

Ответом Парижа стала концепция «стратегического партнёрства», предполагающая ревизию «жесткой силы». Макрон в феврале 2023 года заявил о завершении «цикла логики силы и военного присутствия» [8], провозгласив переход к модели, предполагающей «снижение численности французских военных и пересмотр работы военных баз» [1, с. 33]. Однако за этой риторикой скрывается не отказ от «жесткой силы», а её адаптация. Реорганизация присутствия — это, по словам Макрона, «ни отступление, ни сдача позиций» [1, с. 33]. Франция сохраняет пять ключевых военных баз в регионе (Сенегал, Кот-д'Ивуар, Чад, Габон, Джибути), оптимизируя и концентрируя силовой потенциал в более стабильных и лояльных странах, откуда можно оперативно реагировать на угрозы [5, с. 89, 91].

Параллельно набирает обороты тенденция к опосредованному вмешательству. Столкнувшись с невозможностью прямого воздействия на недружественные режимы, Париж рассматривает возможность использования частных военных компаний (ЧВК) как потенциально эффективный инструмент, позволяющий «вновь вернуться при изменившихся обстоятельствах или предложить новые решения проблем безопасности» [1, с. 33]. Это позволяет минимизировать политические издержки и снять с официального Парижа прямую ответственность.

Новая стратегия сталкивается и с внутренними вызовами, связанными с сохраняющейся закрытостью системы принятия решений, унаследованной от эпохи «Франсафрик», что проявляется в нежелании Елисейского дворца принимать

«африканских оппозиционеров и общественных деятелей (за исключением нескольких заранее подобранных фигур)» [2, с. 88].

Глубинной причиной трансформации является системный кризис легитимности, связанный с экономическими интересами Парижа. Когда «мягкая сила» и прямое вмешательство перестали работать, обнажилась истинная цель — сохранение доступа к ресурсам и рынкам, учитывая критическую важность Африки как поставщика углеводородов (11% импорта) и сельхозпродукции (9,5%) [3, с. 63].

Эффективность новой модели ставится под сомнение в условиях растущей конкуренции, в частности, со стороны России, которая «выступает вполне конкурентоспособным игроком, способным потеснить Францию на рынке военных услуг» [5, с. 86]. Пока Париж пытается переупаковать свое вмешательство, другие игроки предлагают более прагматичные форматы сотрудничества.

Предложенная трансформация не является принципиально новой, а продолжает линию на «интернационализацию» и «европеизацию» африканского бремени, продиктованную как политическими, так и финансовыми причинами — перерасход средств на операцию «Бархан» достиг 1,56 млрд евро в 2021 году [5, с. 81]. Таким образом, «стратегическое партнерство» — это во многом вынужденная мера, продиктованная «дефицитом экономических и военно-политических ресурсов» [4, с. 122].

Прагматизм новой стратегии проявляется и в готовности идти на компромиссы с ценностными принципами ради сохранения стратегических позиций, как в случае с поддержкой «далекого от демократических стандартов режима в Чаде» [4, с. 120]. Главная задача сводится к сдерживанию терроризма, а не к победе над ним, и делегированию борьбы национальным участникам [5, с. 91], что свидетельствует о приоритете прагматизма и безопасности над демократизацией.

Эволюция «жесткой силы» Франции представляет собой переход к гибридной модели, сочетающей сокращённое, но стратегическое присутствие регулярных войск, акцент на обучении местных сил и готовность к использованию опосредованных инструментов, таких как ЧВК. Однако успех этой трансформации будет зависеть от способности Парижа преодолеть системный кризис легитимности. Новая стратегия является попыткой «максимизировать дивиденды от африканской политики и сократить издержки» [4, с. 114], но вопрос о том, сможет ли она преодолеть глубокое недоверие африканских элит и общества, остается открытым.

Мягко-силовые возможности Франции: поиск новой легитимности

Провал интервенционистской модели «Бархан» и вынужденный уход французских войск из Сахеля со всей остротой поставили перед Парижем вопрос о поиске новых, невоенных инструментов влияния и новой легитимности в глазах африканских обществ и элит. Если военная стратегия подверглась тактической перестройке, то в сфере «мягкой силы» Франции предстоит совершить куда более глубокую концептуальную и практическую переориентацию. Как справедливо отмечается в аналитическом сборнике Института Европы РАН, «игнорирование "мягкой силы" в угоду военным средствам опасно, сверхзатратно, и, следовательно, контрпродуктивно» [1, с. 16].

Ключевым вызовом для Парижа является глубокий кризис доверия, который уже не устранить реформами в рамках старой системы. За антифранцузскими настроениями «отнюдь не стоят чьи-либо внешние манипуляции... эти настроения действительно существуют в африканских обществах, притом с широким охватом населения во многих социoproфессиональных категориях» [1, с. 20]. Этот кризис усугубляется тем, что в странах Сахеля представительная демократия западного типа, с которой прочно ассоциируется Франция, в массовом сознании связывается «с хищениями и злоупотреблениями

чиновников» [5, с. 88]. Унаследованная от «Франсафрик» сверхцентрализованная система принятия решений, где «роль силовиков явно выше, чем представителей гражданских ведомств» [2, с. 87-88], не только порождает обвинения в неокOLONIALИЗМЕ, но и затрудняет адаптацию к меняющимся реалиям.

Значительный акцент в новой стратегии делается на франкофонию, которая призвана стать платформой для равноправного диалога. Однако здесь Франция сталкивается с объективными трудностями: глобальные позиции французского языка ослабевают, а новые африканские элиты все реже ограничиваются французской системой образования, получая подготовку в других странах-конкурентах [1, с. 15]. При этом Франкофония интересует Макрона «не более чем как инструмент для укрепления экономических позиций страны» [4, с. 118], что свидетельствует о прагматичном переосмыслении этого инструмента «мягкой силы».

Новым элементом становится ставка на «коммуникативное наступление» и работу с молодежью. Макрон заявил о необходимости создания единой «сборной Франции», где «послами» должны быть «не только чиновники или военные, но и спортсмены, педагоги, деятели культуры» [2, с. 83]. Однако эффективность такой политики вызывает сомнения на фоне ослабления «мягкой силы» Парижа и снижения привлекательности Франции для молодого поколения в Африке [3, с. 68]. Демографический вызов лишь усугубляет ситуацию: население Западной Африки выросло с 80 млн в 1950 году до примерно 400 млн сегодня и, как ожидается, почти удвоится к 2050 году [6, с. 48].

В качестве практических инструментов новой стратегии Франция делает ставку на Международную академию по борьбе с терроризмом (AICT) в Кот-д'Ивуаре, призванную стать платформой для «совместного франко-африканского ответа на экспансию терроризма» [5, с. 90], а также на проекты в сфере устойчивого развития, такие как инициатива «Digital Africa» [1, с. 28]. Эти проекты демонстрируют переход от логики помощи к логике инвестиций и партнерства, что особенно важно в условиях финансовых ограничений — даже в период «Бархана» перерасход средств достиг 1,56 млрд евро [5, с. 81].

Однако эффективность этих мер будет напрямую зависеть от способности Франции преодолеть системные пороки «Франсафрик», главным из которых остается экономическая зависимость через зону франка КФА. Реформа 2019 года, хотя и сократила, но не ликвидировала полностью французское влияние, сохранив фиксированный паритет с евро [4, с. 121], что демонстрирует, как риторика партнерства наталкивается на жесткие рамки унаследованных экономических структур.

Важным аспектом новой стратегии является переход от логики «операций» к логике «присутствия» — отказ от масштабных операций в пользу более дискретных, но долгосрочных сил предварительного размещения [6, с. 57]. Кроме того, ключевым элементом становится попытка «растворить» свое военное присутствие в европейском «бренде», что особенно ярко проявилось в создании европейской группы ССО «Такуба» [5, с. 100]. «Европеизация» рассматривается как один из ключевых путей повышения приемлемости французского присутствия [6, с. 63].

Поиск новой легитимности через «мягкую силу» является для Франции стратегической необходимостью. Успех этого начинания будет зависеть от способности Парижа перейти от риторики партнерства к реальным действиям: деколонизации экономических отношений и искреннему диалогу с новыми элитами континента. В значительной степени многосторонность и акцент на «мягкую силу» являются способом максимизировать дивиденды от африканской политики и сократить издержки [4, с. 122]. Однако фундаментальной проблемой остается сама структура французского предложения, которое все еще воспринимается как навязывание западных стандартов. Сможет ли «мягкая сила» в сочетании с новой логикой присутствия стать фундаментом для более устойчивого

и легитимного присутствия Франции в Африке, покажет время, но альтернативы у этого пути у Парижа практически нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершение «Операции «Бархан»» в 2022 году стало знаковым рубежом, обозначившим исчерпанность целой эпохи в африканской политике Франции. Провал этой интервенции был предопределён глубинным кризисом легитимности унаследованной от «Франсафрик» модели, основанной на патернализме и военно-политическом симбиозе с нелегитимными режимами. «Бархан» не только не смог стабилизировать регион, но и усугубил антифранцузские настроения, вылившиеся в череду военных переворотов и изгнание французских контингентов, что продемонстрировало неадекватность чисто военных подходов к решению сложных социально-экономических проблем.

В ответ на кризис Париж провозгласил переход к модели «стратегического партнёрства», представляющей собой сложный гибрид. В военной сфере происходит отказ от прямого присутствия в пользу «оптимизированной» сети баз в лояльных странах, смещения акцента на обучение местных сил и готовности к использованию опосредованных инструментов. В сфере «мягкой силы» делается ставка на коммуникативное наступление, работу с молодёжью и проекты в области цифровизации, а также на попытки «растворить» присутствие в многосторонних европейских форматах.

Однако оценка показывает, что трансформация носит скорее тактический и вынужденный характер. Провозглашённое «партнёрство» наталкивается на унаследованные структуры: сверхцентрализованную систему принятия решений и сохраняющиеся экономические инструменты влияния, такие как реформированная зона франка КФА. Прагматичная защита экономических интересов продолжает превалировать над подлинной деколонизацией отношений, в результате чего новая стратегия не способна преодолеть глубокое недоверие африканских элит и обществ.

Потенциал новой стратегии выглядит ограниченным в условиях жёсткой конкуренции с другими внешними игроками, предлагающими более прагматичные форматы сотрудничества. Успех Франции в Африке будет в конечном счёте зависеть не от изощённости военных конфигураций, а от способности признать новую, многополярную и суверенную Африку, что требует подлинной деколонизации отношений, включая полный отказ от остатков валютного контроля и переход к равноправному диалогу.

Список литературы:

1. Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / под ред. С. М. Федорова; Ин-т Европы РАН. — Москва, 2024. — 39 с.
2. Современные африканские стратегии государств Европы и США: монография / Н. В. Еремина [и др.]; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. — Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-7422-8780-3.
3. Клинова М. А. Экономические стратегии Европейского союза и США в Африке: сравнительный анализ / М. А. Клинова // Современная Европа. — 2024. — № 4. — С. 58–72.
4. Магадеев И. Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна / И. Э.

- Магадеев // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 114–128.
5. Сидоров А. С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД / А. С. Сидоров // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 79–108.
 6. Bansept L. Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest = После «Бархана»: переосмысление стратегической позиции Франции в Западной Африке / L. Bansept, E. Tenenbaum // Focus stratégique. – 2022. – No. 109. – Institut français des relations internationales (Ifri). – 70 p.
 7. Lauret A. Le désenchantement de nos soldats : retour sur le retrait de l'armée française du Sahel / Разочарование наших солдат: Возвращение к выводу французской армии из Сахеля // Revue Défense Nationale. – 2025. – No. 882. – P. 21–26.
 8. Vie publique. Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur les relations franco-africaines, à Paris le 27 février 2023. – URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/288411-emmanuel-macron-27022023-france-afrique> (дата обращения: 01.12.2025). – Текст: электронный.

References:

1. The African Vector of France's Foreign Policy: A Difficult Parting with Françafrique / ed. by S. M. Fedorov; Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2024. – 39 p.
2. Modern African Strategies of European States and the United States: Monograph / N. V. Eremina [et al.]; Peter the Great Strategies of the European Union and the United States of America. – St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2024. – 208 p. – ISBN 978-5-7422-8780-3.
3. Klinova M. A. Economic Strategies of the European Union and the United States in Africa: A Comparative Analysis / M. A. Klinova // Modern Europe. – 2024. – No. 4. – Pp. 58–72.
4. Magadeev I. E. Multilateralism as a Forced Necessity? The Evolution of French Policy in Sub-Saharan Africa: Continuity and Novelty / I. E. Magadeev // Bulletin of International Organizations. - 2022. - Vol. 17, No. 1. - P. 114-128.
5. Sidorov A. S. The Military-Political Balance of France's Capabilities in the Sahel: Stages and Mechanisms for Exiting the Theater of Military Operations / A. S. Sidorov // Current Issues of Europe. - 2022. - No. 4. - P. 79-108.
6. Bansept L. Après Barkhane: repenser la posture stratégique française en Afrique de l'Ouest = After the "Barkhan": Rethinking France's Strategic Position in West Africa / L. Bansept, E. Tenenbaum // Focus stratégique. - 2022. - No. 109. – Institut français des relations internationales (Ifri). – 70 p.
7. Lauret A. Le désenchantement de nos soldats : retour sur le retreat de l'armée française du Sahel / The Disillusionment of Our Soldiers: Revisiting the Withdrawal of the French Army from the Sahel // Revue Défense Nationale. – 2025. – No. 882. – P. 21–26.
8. Vie publique. Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur les relations franco-africaines, à Paris le 27 February 2023. - URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/288411-emmanuel-macron-27022023-france-afrique>

[publique.fr/discours/288411-emmanuel-macron-27022023-france-afrique](https://www.ores.su/publicque.fr/discours/288411-emmanuel-macron-27022023-france-afrique) (access date: 12/01/2025). — Text: electronic.